

Содом

Грешна ли, нет – твой мир, и сад, и дом
разрушит жизнь – не серой и огнём,
так временем. Пусть помнит – сущий ад,
не бойся боли. Оглянись назад.

Остановись, остолбенеи, глаза
наполни всем, чего забыть нельзя –
уже бесплотным, навсегда живым...
Им создана – ты нераздельна с ним!
Тот, кто в душе прошедшее убьёт –
кем будет он, чтобы смотреть вперёд?

...Библейская пощада недобра:
вперёд гляди! но впереди – Гора!..
Что узришь, Лот? Уж лучше б ты ослеп!
Пусть дом – Содом, изгнанья горек хлеб.
Когда в краю, во времени чужом
ты беженец – наг, уязвим, смешон, –

лишь то твоё, что память сохранит:
пьюта из соли в сердце – мегалит.

...Отрывок текста – и молчанье. Что ж,
цел – выживай, воспоминанья множь,
корпи, твори, Творца благодари,
пока считает он деньки твои...

Когда ж спиной почувешь смерти взгляд –
не бойся смерти; обернись назад.

Вечный Жид

Мне дом – где сапоги разуть, проспять ночку.
Хоть с табором бы вечный путь! – всё в одиночку.
Хоть с табором бы песню спеть, забыть печали...
Земли и неба стынь и твердь да океанов круговерть за плечами...
Не вспомнить – что и вспоминать! – что было-сплыло,
что за места, чьи имена казались тылом...
Отечество – дым, дом, очаг, с кем там дружили, –
всё ветер странствия умчал, двужилен.
И мне неведомо, за что, чем ближним, Богу
я насолил, где перешёл дорогу?
Но я скиталец, Вечный Жид, я пленник шири
и мной никто не дорожит в мире.
Ковром стоцветным подо мной Земли карта,
а я – поверх, мне всё равно, как там...
Я обезлюдевший корабль, морей голландец,
всех мимо, век мне в путь пора, некогда ладить...
Молил, мотая вечный срок, об отпущенье,
но древен рок и гневен Бог в своём отмщенье...
Вот – кратковременный причал, тропики – грейся,
и снова ветер бы умчал по рельсам-рейсам,
да старость – сдулись паруса, трухой – реи,
и юг, и вся его краса
не греют.
Всё так же люто одинок,
пространством болен,
я – барк, свой отслуживший срок,
здесь на приколе.

Я не ропшу – было мирное небо, и
голод не выпал, ни мор, ни пожар, –
только вот жаль – красных туфелек не было.
Стыдно признаться, а всё-таки – жаль.

Чтоб каблучки – ксилофонные палочки –
по тротуару, дразня и звеня,
и ни грустинки ни в сердце ни в пальчике –
юность и радость уносят меня.

Чайкой, гондолой – почти в невесомости,
в женском расцвете, красе, торжестве
плыть без печали, заботы и скромности,
вечных вопросов, навязчивой совести,
трудных любовей и бездн в голове...

Хоть бы денёк – крылья блещут на солнышке,
бабочкой лёгкой над сладким цветком,
хоть бы до полночи бал, как у Золушки, –
после – пускай по репьям босиком!

Тролля проделки ли? Замысел неба? – и
думаю с грустью, тех лет не кляня:
этого дня в красных туфельках не было.
Не было, не было... Не у меня!

Норе Крук

В тридцать трудно ли быть красивой! –
но прекрасны бывают старухи:
вся серебряной масти сивой,
и в суставах тонкие руки,
головы посадка лебяжья,
хоть ссутулилась голубица,
а в глазах, молодых и влажных,
тайна прожитого клубится.

Вот она открывает двери
одиноких своих владений,
выступая вперёд с доверьем
из рембрандтовской светотени.
Молодеет улыбкой светлой,
расцветает гостье навстречу.
Строго смотрят с портретов сверху
те, кого на земле не встречу...
Как платаны её Парижа,
облетают годы – круженье
судеб, лиц... кто там? дальше, ближе? –
жив ли? жил ли в воображенье?
Речи сбивчивые – но сладко
слушать, здесь что ни повесть – сказка...
Голос – юн, в нём игривость, ласка,
вечной женственности загадка.
Старый дом – тишины криница,
старый сад зарастает дрёмой,
старых книг вздыхают страницы...
Время, стой! дай ещё продлиться
этой жизни, этому дому –
эфемерным и обречённым,
невозвратным, неповторимым!
"Память вечная" говорим мы?
Коротка и слепа – о чём мы!
...Может, скоро душе-беглянке
в путь, но медлит, прощаясь, реет,
и на самом доньшке склянки
фитилёк трепещет и греет ...

Вон из клетки – лишь отвори – слово выпорхнуло из уст...
Захотят твой стих повторить? Выучат его наизусть?
Скажут ли его “про себя” в чёрный час, в решительный миг?
Врежутся ли строки, скорбя, как метеорит в этот мир?
Стайка слов, кричащих птенцов, звуков горловое соседство
станет ли бесстрашным гонцом сердца – к Богу и Бога – к сердцу?
Был кондов, бедов, был бредов и высок наш старый язык –
прозвучит ли, дерзок и нов, как новорождённого крик?

Нерастленна ли доброта? Всё в железной узде цинизм?
В кольцах лет душа – молода? Что за ценности ей ценны?
...Он лежит сейчас на весах там ещё, в тайниках души.
Можешь ли его *не* писать? Если можешь – то не пиши!

Пожары...

Стоя умирают деревья,
молча погибает зверьё...
Мне ж едва приоткрылись двери
в этот край – всё здесь не моё!
Солнце – тусклый шарик на нитке,
без лучей, в дыму и в поту
на закате бесславно никнет,
лопнув, падает в темноту,
и всю ночь горизонт бессонный
в рыжем зареве, и всю ночь
бессловесных созданий сонмы
в грудь стучатся – и не помочь...
Адским пламенем – побережье,
океанский бессилён гнев...
Никогда он не будет прежним –
этот жаркий, дремучий, нежный
край, доверчивый, безмятежный,
эвкалиптов, старых коттеджей –
пеплом взвился в жадном огне.
Дымом дышим, но душат слёзы
не от дыма, глаз не щадя,
и сверкают сухие грозы
без единой слезы дождя...
Только выпивши кружку боли
молча вместе на брудершафт,
ощущаю я, как с тобою
породнилась моя душа,
только небу и морю смежный
крайний край моего пути!
И молось почти без надежды:
"Остуди! Погаси! Прости!"